

Г.Р. Державин

Водопад¹

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами²,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов³ по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных⁴:
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стекляна ниспадают.

Волк⁵ рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вменя, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится⁶;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет, согласясь с тобой.

¹ В оде описан водопад Кивач на порогах реки Суны, где Державин побывал во время своего губернаторства в Олонецкой губернии.

² Четыре скалы, между которыми низвергается водопад, символизируют времена года, а водопад — время; в конце стихотворения водопад обозначает сильных мира.

³ *млатов* — молотов.

⁴ В нескольких верстах от водопада стоял Кончезерский чугунный завод.

⁵ *волк, лань* и *конь*, описанные в 5–7-й строфах, по «Объяснениям» Державина означали злобу, кротость и честолюбие.

⁶ *зрится* — видится, выглядит.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вокруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет;
И, подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу, некий муж седой¹
Склонился на руку главой.

Копье и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой²,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной,

Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает? —
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякой день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрып подземной?
Не упадет ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

¹ некий муж седой — полководец П.А. Румянцев.

² трава *повилика* — знак любви к Отечеству.

Падут, — и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь средь похвал,
В тот миг, желал как диадимы¹,
Закрыв лице плащом, упал²;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды.

Падут, — и несравненный муж
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар³ царей
В темнице пал, лишен очей.

Падут. — И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?
Давно ль? — Но, ах! теперь во брани
Мои не мещут молний длани!⁴

Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила». —
Он рек — и тихим позабылся сном,
Морфей покрыл его крылом.

Сошла октябрьска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревуция волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.

Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих, трепетна, бледна,
Проглядывала вниз луна.

¹ *диадима* — царский венец.

² Юлий Цезарь (I в. до н. э.), полководец и диктатор, был убит в Сенате республиканцем Брутом.

³ *Велизар* — Велизарий (VI в.), византийский полководец, впавший в немилость, нищету и, по преданию, ослепленный.

⁴ *Мои не мещут молний длани* / и далее — Румянцев в последнюю турецкую войну (1787–1791) был отстранен от командования.

Глядела, и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога¹,
Как бы с почтеньем познавала
В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Он спал, — и чудотворный сон
Мечты ему являл геройски:
Казалось ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вокруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит;

Что огнедышущи за пёрстом
Ограды² в след его идут;
Что в поле гладком, вокруг отверстом,
По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов;

Что только по траве росистой
Ночные знать его шаги;
Что утром пыль, под твердью чистой,
Уж поздно зрят его враги;
Что остротой своих зениц
Блюдет он их, как ястреб птиц;

Что, положа чертеж и меры,
Как волхв невидимый, в шатре,
Тем кажет он в долу химеры,
Тем — в тиграх агнцов на горе,
И вдруг решительным умом
На тысячи бросает гром³;

Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черных и янтарных волн⁴,
Смирил Колхиду златорунну⁵,
И белого царя урон
Рая вечерня пред границей
Отмстил победами сторицей⁶;

¹ *перед старцем преклонив рога...* — Имеется в виду побежденная Турция.

² *огнедышущи ограды* — здесь порядок построения войск — каре, применявшийся Румянцевым.

³ В этой строфе говорится о воинском искусстве и военных хитростях Румянцева.

⁴ Имеются в виду победы над Пруссией у Балтийского и Турцией у Черного морей.

⁵ Державин имеет в виду завоевание Крыма. *Колхида* же, где, согласно греческой легенде, Язон похитил золотое руно, находилась на Черноморском побережье Кавказа.

⁶ Здесь говорится о победе Румянцева у реки Прут (*Рая вечерня*) на границе с Молдавией, где потерпел поражение в битве с турками Петр I.

Что, как румяной луч зари,
Страну его покрыла слава;
Чужие вóжди и цари,
Своя владычица, держава,
И все везде его почли,
Триумфами превознесли;

Что образ, имя и дела
Цветут его средь разных глянецв;
Что верх сребристого чела
В венце из молненных румянцев
Блится в будущих родах,
Отсвечивая в сердцах;

Что зависть, от его сиянья
Свой бледный потупляя взор,
Среди безмолвного стенанья
Ползет и ищет токмо нор,
Куда бы от него сокрыться,
И что никто с ним не сравнится.

Он спит — и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрип дерев дебелих,
Стенанье филинов и сов,
И вещей глас вдали животных,
И тихий шорох вокруг бесплотных¹.

Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,
Как смертну весть, или войну,
С косой в руках, с трубой стоящу,
И слышит он: «проснись!» гласящу.

На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вздыхнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь!

¹ Начиная со следующей строфы говорится о смерти Потемкина.

Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен среди поздних веков
Да будет друг сей человек!

Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!

О слава, слава в свете сильных!
Ты точно есть сей водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

Дивиться вкруг себя людей
Всегда толпами собирает, —
Но если он водой своей
Удобно всех не напоет,
Коль рвет берега и в быстротах
Его нет выгод смертным, — ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
“Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой”.

О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!»
Вещал сединой муж венчанный
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк, — и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

Но кто там идет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне ночи?
Простое рубище чресла,
Два лепта¹ покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр — земля; кров — воздух синь;
Чертоги — вокруг пустынные виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды²?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Не ты ль наперником близ трона
У северной Минервы³ был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса вóждем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире⁴?

Не ты ль, который взвесить смел
Мошь росса, дух Екатерины,
И, опершись на них, хотел
Вознесть твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустынные
Во грады, в нивы обратил,

¹ *два лепта* — две медные монеты.

² После присоединения Крыма Потемкину был присвоен титул князя Таврического.

³ у *северной Минервы* — у Екатерины II.

⁴ *порфира* — бархатная подбитая горностаем мантия, царская одежда, надеваемая во время коронации и других торжественных случаев; в данном случае символ царской власти.

Покрыл Понт Черный кораблями,
Потряс среду земли¹ громами?

Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг русской силе,
Стихии самые попать
В Очакове и в Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам — и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Се ты, которому врата
Торжественные созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;
Забавы, роскошь вокруг цвели,
И счастье с славой следом шли.

Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара²
Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел,— но смерть тебя скосила!

Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездна разноцветных звезд
Чертог являли райских мест.

Увы! — и громы онемели,
Ревущие тебя вокруг;
Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И всё, что близ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножны войти чуть мог,
Екатерина возрыдала!

¹ Имеется в виду Константинополь.

² *Пиндар* (Pindaros), знаменитый древнегреческий поэт, автор од.

Полсвета потряслось за ней
Незапной смертью твоей!

Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук;
Родства и дружбы вопли, стоны
И муз ахейских жалкий звук¹
Вокруг Перикла раздается:
Марон² по Меценате³ рвется,

Который почестей в лучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На серебро-розовых конях,
На золотозарном фаэтоне,
Во сонме всадников блистал
И в смертный черный одр упал!

Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье⁴
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.

Иль нет! — тяжелый некий шар,
На нежном волоске висящий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отвсюду беспрестанно бьют,
И ах! зефиры легки рвут.

Единый час, одно мгновенье
Удобны царствы поразить,
Одно стихиев дуновенье
Гигантов в прах преобразить;
Их ищут места — и не знают:
В пыли героев попирают!

Героев? — Нет! Но их дела
Из мрака и веков блистают;
Нетленна память, похвала
И из развалин вылетают,
Как холмы, гробы их цветут;
Напишется Потемкин труд.

¹ Намек на эпитафию Потемкину Е. Булгара, написанную на греческом языке, где Потемкин уподобляется Периклу, афинскому государственному деятелю V в. до н. э.

² Под *Мароном* (Публий Вергилий Марон) Державин имел в виду поэта В. Петрова, написавшего стихи на смерть Потемкина.

³ *Меценат* — приближенный римского императора Августа; покровительство поэтам сделало его имя нарицательным.

⁴ *Мафусаил* — библейский патриарх, живший тысячу лет.

Театр его — был край Эвксина¹;
Сердца обязанные — храм;
Рука с венцом — Екатерина;
Гремяща слава — фимиам;
Жизнь — жертвенник торжеств и крови,
Гробница — ужаса, любви.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной ночи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью, и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветер шумит,
И слышен стон, — что турок мнит?

Дрожит, — и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг² убитых³
Вкруг гроба Вейсмана⁴ лежат.
Мечтаются ему их тени
И рос в крови их по колени!

Дрожит, — и обращает взгляд
Он робко на окрестны виды;
Столпы на небесах горят⁵
По суше, по морям Тавриды!
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь.

Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах
И вьются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на лиманах,
Какое чувство в россиянах?

Восторг, восторг они, — а страх
И ужас турки ощущают;
Им мох и терны во очах,
Нам лавр и розы расцветают
На мавзолеях у вождей,
Властителей земель, морей.

Под деревом, при заре вечерней,
Задумчиво Любовь сидит,

¹ Эвксин — понт (греч.) Эвксинский, Черное море.

² вдруг — неожиданно, внезапно.

³ При штурме Измаила турки потеряли убитыми и пленными около 40 тыс. человек.

⁴ В Измаиле похоронен генерал Вейсман, погибший в 1773.

⁵ Зарева от пожаров.

От цитры¹ ветерок весенней
Ее повсюду голос мчит;
Перлова² грудь ее вздыхает,
Геройский образ оживляет.

Поутру солнечным лучом
Как монумент златый зажжется,
Лежат объаты серны сном
И пар вокруг холмов вьется,
Пришедши, старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

Алцибиадов³ прах! — И смеет
Червь ползать вокруг его главы?
Взять шлем Ахиллов не робеет,
Нашедши в поле, Фирс⁴?— увы!
И плоть и труд коль истлевают,
Что ж нашу славу составляет?

Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.

Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастье доставить свету.

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем, светлым, звучным,
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали

¹ *цитра* — струнный щипковый музыкальный инструмент.

² *перл, перлы* — жемчуг.

³ Державин сравнивает Потемкина с *Алцибиадом* — Алкивиадом, афинским политическим деятелем и полководцем, отличавшимся талантами и вместе с тем невоздержанностью, самонадеянностью и самовлюбленностью, от чего его тщетно предостерегал Сократ. Поэт намекает на то, что эти черты были присущи Потемкину.

⁴ Здесь под *Фирсом*, то есть *Терситом*, трусливым военачальником в «Илиаде», хулившим Ахиллеса, Державин понимает П. Зубова, а под Ахиллесом — Потемкина.

Разженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешься дождем
Сафирным¹, пурпурным огнем, —

То тихое твое теченье —
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги.
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги —
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

1791–1794

¹ *сафир* — сапфир, голубой яхонт, синий рубин; *сафирный* цвет — голубой.